

[00:00:00] [Начало записи]

Александр Бузгалин: Уважаемые коллеги. Я прошу всех присесть. Раздача книг и материализация духов будет немножко позже. Мы начинаем нашу работу. У нас работает сразу несколько микрофонов, жизнь прекрасна и удивительна. Добрый день, я рад приветствовать всех, кто пришел на нашу встречу. Мы продолжаем работу Московского экономического форума. Здесь сейчас на трибуне Александр Владимирович Бузгалин. Я в данном случае выступаю как научный сотрудник Института нового индустриального развития имени Витте.

К сожалению, Сергей Дмитриевич Бодрунов, основатель и лидер этого института, его директор, не очень хорошо себя чувствует. Я думаю, мы все передадим ему самые добрые пожелания здоровья. Он не смог сегодня выступить на пленарном заседании, но это и не мудрено, после марафона, который мы здесь завершаем.

Я напому, что накануне 27 числа в Санкт-Петербурге прошел Санкт-Петербургский экономический конгресс, где примерно в такой же зале, только не университета, а Академии наук, люди висели на люстрах хрустальных и красивых, и искали себе возможность где-нибудь услышать доклады. Большой конгресс, очень много участников. Очень много дискуссий, посылов, близких тем, что звучат на Московском экономическом форуме, за одним, но важным исключением. В Санкт-Петербурге мы не обсуждали вопросы национализма, интернационализма и других измов.

На Санкт-Петербургском экономическом конгрессе, прежде всего, все докладчики были сосредоточены на вопросах социально-экономической стратегии. В центре внимания стоял вопрос новой индустриализации, интеграции производства, науки и образования. Причем интеграции на базе качественно новых технологий и новых общественных отношений, продолжающих и развивающих традиции, заложенные в критическом, и нацеленные в будущее сочинением Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество».

Одним из девизов Санкт-Петербургского конгресса было «Новое индустриальное общество второго поколения». Книга на эту тему Сергея Дмитриевича Бодрунова была представлена в Питере. Сюда мы привезти не смогли, поскольку, к сожалению, большой тираж этой книги полностью был востребован в Питере. Но, здесь появилась другая книга «Возвращение Гэлбрейта», где, в частности, изложены идеи и Бодрунова, и многих других известных профессоров.

Сегодняшнюю сессию будет модерировать известный ученый Санкт-Петербурга, Ленинграда, на мой взгляд, крупнейший эконом-теоретик Северной столицы, но это моя личная позиция, хотя ее разделяют, я думаю, многие, профессор Виктор Тимофеевич Рязанов. Прошу любить и жаловать.

У нас большая повестка дня, ориентированная на две сессии. В ней принимают участие, в нашей работе, в нашей конференции ученые из многих стран мира и континентов, известные профессора и молодые сотрудники. Мы специально постарались включить и часть молодежи из России. И этот трансконтинентальный диалог состоится сегодня на

двух языках – английском и русском. К сожалению, китайского перевода у нас не будет, и я прошу быть внимательными к нашим китайским коллегам, которые будут говорить по-русски. Видит Бог, для них это не намного проще, чем для нас говорить по-китайски, и кроме «ни хао», я, побывав в Китае много раз, так ничего и не выучил, поэтому будьте внимательны и корректны к нашим выступающим из дружественной и важной для нас страны.

Я не хочу сейчас далее задерживать ваше внимание. Виктор Тимофеевич, у вас есть фамилии выступающих, я правильно понимаю, да? Но прежде чем передать вам микрофон, я хотел, чтобы мы поприветствовали Джеймса Гэлбрейта, который является почетным гостем, то, что называется *guest of honor* в английском. Джеймс, мы очень рады, что вы сегодня здесь. «Возвращение Гэлбрейта» написано профессором Гэлбрейтом-младшим, и как справедливо сказал Руслан Семёнович Гринберг на первом пленарном заседании, Джеймс – фигура знаменитая. И, в некотором смысле, когда путаются и говорят Джеймс Гэлбрейт, а не Джон Гэлбрейт, это не случайно, потому что два Гэлбрейта сегодня живут и не только в Америке, но и в мировой научной традиции.

[00:05:08]

У нас есть традиции не только хвалить, но и спорить, поэтому сегодня будут критиковать и папу, и сына, так сказать, святого духа, который присутствует у нас здесь, критиковать мы не будем. Я на этом заканчиваю свое небольшое вступление. К сожалению, мне придется сейчас покинуть эту замечательную аудиторию и модерировать работу параллельной конференции. Мы так договорились с Сергеем Дмитриевичем, что мы разделимся на два потока. Но сегодня наше разделение произошло чуть-чуть иначе.

Наталья Геннадьевна Яковлева – ответственный секретарь и один из руководителей и организатор этого процесса. Потом обеспечит возможность получения книг, здесь их много, не беспокойтесь, хватит всем и еще немножко останется для ваших преемников завтра, поэтому все будет хорошо. Засим я желаю вам успеха и искренне поздравляю с началом работы этой сессии. Всего доброго и успехов, коллеги.

Виктор Рязанов: Уважаемые коллеги, нам необходимо приступить к нашей работе, и как вы уже слышали, мы начнем эту работу с презентации книги «Гэлбрейт возвращается», и послушаем, естественно, профессора Джеймса Гэлбрейта. А потом уже обсудим и рабочую часть нашей конференции. И я хочу попросить профессора Джеймса Гэлбрейта сделать вступление. Пожалуйста.

Джеймс Гэлбрейт: Это все, что я могу сказать по-китайски. Добрый день, как у вас дела. Для меня это большая честь выступать сегодня, здесь, в этой сессии, которая посвящена, в том числе, моему личному празднику, потому что это возвращение не моего отца, а новой стадии индустриализации.

Я хочу начать относительно истории этой книги, потому что впервые она была опубликована 50 лет назад в 1967 году. И, действительно, в то время она привлекла серьезное внимание, потому что это была одна из тех работ, которая связана с экономикой, учитывающая, в том числе, влияние общества на экономику. И эта книга,

опубликованная в 1967 году, была как раз таким очень важным вкладом моего отца в развитие экономической науки.

Я могу сказать, что, действительно, книгу приняли, ее читали и стали считать, что она очень важная в экономической науке, в том числе, воспринималась молодым поколением, как в США, так и в других странах мира. При этом оказала революционное влияние на развитие экономической науки, которого мой отец даже не думал достичь, но сумел.

По большому счету, в то время он начал, собственно, разбивать такие ортодоксальные представления, которые были в то время в науке. И показал влияние общества на экономику. Фактически, это была такая контрреволюция в отношении так называемой ортодоксальной экономики того времени.

Затем была работа Милтона Фридмана и многих других экономистов, которые стали, собственно, ядром новой неолиберальной экономики. По большому счету, это была уже реакция на ту работу, которую проделал и реализовал в своей книге мой отец. И как многие из вас уже знают, эта реакция продолжалась в течение значительного периода времени, фактически до конца XX века, с начала 70-х годов этого века. И, соответственно, возникает вопрос: а почему ученые пришли к мнению, что сейчас пришло время для того, чтобы обратить снова внимание на то, чему посвящена эта книга по новой индустриализации, и почему, собственно, поговорить о новом индустриальном обществе, о котором писал мой отец Гэлбрейт.

[00:10:09]

И ответ очень простой. Потому что время прошло, опыт накоплен, уроки выучены. И стало понятно людям, которые, действительно, открыты, которые могут судить независимо и квалифицированно, которые понимают, что классическая ортодоксальная экономика может привести к настоящей катастрофе. Соответственно, потому что применение этих стандартных ортодоксальных экономических формул может привести к плохому результату. Соответственно, именно такое новое индустриальное общество, с учетом общественного влияния на экономику, является, действительно, важным.

Это мы наблюдаем сейчас во многих странах – в Германии, Южной Кореи, Соединенных Штатах, в том числе в Китае сейчас, и в том числе, мы видим тот прогресс, который достигается в Южной Америке, когда там сейчас новые экономические воззрения реализуются на практике в течение последних 15-20 лет.

И надо посмотреть, что в целом взгляды мира сейчас, скорее, более едины, нежели тогда, 50 лет назад, когда мой отец написал книгу, потому что тогда он противостоял экономической ортодоксальности и фактически, его идея стала основой нового экономического взгляда, формировавшегося с 1975-го по 2000 год.

Что касается взгляда моего отца, то стоит сказать, что рынки не сами себя организуют, и не только потому, что царит определенная гармония в обществе. Например, в Китае есть идея гармоничного общества. И, вы знаете, эта идея была заимствована Европой еще в XVIII веке. И сейчас, наверно, это стало как раз основой западной экономической

доктрины еще во Франции, а затем уже Адам Смит и другие, которые начали изучать баланс и влияние спроса и предложения. И в итоге смогли адаптировать, насколько это вписывается в социальный и производственный контекст современного мира.

И мой отец постарался описать, что доминирующие институты того времени, как они влияют на развитие экономики. И они являются более серьезными влияющими факторами, чем даже сами рынки, потому что эти организации являются своего рода посредниками между прошлым и будущим. Соответственно, они говорят о том, что нужна необходимая специализация, необходимо развивать научные знания и исследования. И требует также интеграции, проектирования, финансов, маркетинга и многих других аспектов. И при этом требует определенного плюрализма с тем, чтобы поддержать наличие большего количества разнообразных организаций и институтов, а не просто какого-либо одного типа организации и института. Чтобы не было монопольного положения, чтобы избежать риска возникновения экономической атрофии и создания условий для самоуничтожения.

Ничто не вечно, поэтому наиболее важные функции, которыми занимался мой отец, отличаются от обычной традиционной экономики, что он, действительно, противостоит многим формам догматизма. Потому что мой отец говорил о том, что история продолжается, но не всегда, что историки успевают за историей, потому что в каждый момент развития эволюции мы должны видеть, какие условия меняются. И нам нужно адаптироваться к новым условиям.

Соответственно, нужно смотреть, какие институты были наиболее влиятельными в 80-х годах. В середине прошлого века это были крупные американские компании, к примеру, что эти институты, эти организации могли пострадать и пострадали от изменения условий и, соответственно, на стыке веков многие изменения произошли, и они включают, в частности, открытие американского рынка к международной конкуренции, к системам планирования. В том числе, стали учитывать Японию, Корею и многие другие, в том числе, и Китай.

[00:14:58]

Это включало в себя в начале 80-х годов, когда организации международного финансового капитала восстановили свои позиции, с которых они затем были устранены, были как-то поделены между ними. В 30-е годы, в период Великой депрессии, в период 1929 года, до 80-х годов, период нового курса, когда на Западе государственное регулирование было усилено. Также подъем после Второй мировой войны, и также подъем финансового капитала, когда корпорации и организации были подвергнуты реорганизации в плане технологических изменений, чтобы при этом не только интегрировали технологические достижения, но технологические компании в финансовом секторе стали отдельной отраслью. Фактически находились физически в другом месте. Переместились на запад Соединенных Штатов. И они также могли получать доходы от своих технологий, внедренных в других отраслях. Что мы наблюдаем и сегодня, что в итоге привело к президентству такой неординарной фигуры, как Дональд Трамп.

Эти изменения, их нужно принять, какие они есть, и также, продвигаясь вперед, учитывать их. Я привел Соединенные Штаты, как пример, поскольку схожие тенденции и подходы. Они подходят и к России, и к любой другой экономике в Европе, или в Азии, или, в частности, в Китае. Нужно отдавать отчет, что эти изменения. Уже произошли. Научный подход, как я говорил, который против любой догмы, это подход, который мы преследуем в рамках этой конференции. Он основан на дискуссии. Он основан на открытом обмене идей, на свободном обсуждении за или против преобладающей тенденции, различные концепции.

Действие основано не на алгоритмах, которые предоставляются кем-то, но на основе переговоров, которые удовлетворяют основные требования всех участников переговоров, не только в экономической сфере. Но и более широкие круги общества, также окружающую среду, и также международную ситуацию, когда не нужно искать максимальной прибыли, а нужно искать приемлемые решения, подходящие для всех. И поэтому один должен быть частью ответственных и универсальных структур, которые отвечают запросам современного общества и несут ответственность за те вызовы, с которыми они сталкиваются.

Конечно, с 60-х годов, с момента, когда произошли изменения в карьере моего отца, конечно, я во многом обязан моему отцу. В 50-е годы уже значительные достижения у него были. Тогда отдавался отчет, что изменения в экологии будут составлять серьезную проблему. Частная проблема – состоятельность и социальная разруха. Об этом также писал мой отец. Мы видим устойчивое развитие. Тема устойчивого развития касается всех стран на всех континентах. И нам следует поразмышлять о том, что с этим делать. 50 лет назад моего отца очень интересовала проблема, он активно участвовал, не только как экономист, но и как автор, и как дипломат, и государственный деятель. Мы продолжаем сталкиваться с проблемой поддержания и строения структур мирного урегулирования международных конфликтов.

Мой отец был советником президента Кеннеди. Он также открыто выступал против вьетнамской войны. Он говорил о том, каким ужасом это может обернуться для Соединенных Штатов. Он также всегда выступал за путь переговоров, достижения договоренностей с Советским Союзом.

[00:20:06]

И в 1962 году, как рассказывала моя семья, моему отцу предложили занять должность посла в Советском Союзе. Но затем история пошла другим путем. В 1961 году мой отец написал фразу, которая вошла в инаугурационную речь президента Кеннеди «Мы никогда не будем вести переговоры с позиции страха, но мы никогда не будем бояться вести переговоры в экономической сфере».

Это применимо, как в экономике, так и в международной политике, так и на уровне деятельности отдельных стран. Это должна быть одна из тем, которую мы должны стремиться реализовать и в нынешней атмосфере, которая большую долю недоверия и большую долю риска содержит в отношениях между крупными державами и сегодня, в настоящее время, в том числе между Россией и США.

В этом духе я бы хотел повторить, заключая мое выступление, что для меня и для моей семьи, для моих братьев, для духа моих родителей тот факт, что российская экономическая наука решила подхватить идеи работы моего отца, как своего рода символ в той задаче, которую мы сообща будем решать, должны решать, и идеи, которые мы должны развивать дальше. Это для нас большая честь, даже не могу это передать словами, насколько важно это для меня, и насколько счастлив я сегодня участвовать в этом мероприятии, и также выразить мою поддержку.

Я привез первое издание этой книги, книги «Новое индустриальное общество». И я бы хотел передать в библиотеку свободного экономического общества эту оригинальную копию книги, изданной 50 лет назад. Это будет частью научного наследства. Все, кто заинтересованы в этой теме, могут при необходимости, обратиться к этому первому изданию. Еще раз большое спасибо за это приглашение.

Виктор Рязанов: Большое спасибо, профессор Гэлбрейт за ваше выступление и за подарок. Я думаю, это очень ценный подарок, и иметь это издание, конечно, это очень приятно и важно. Но я еще раз напомню о том, что в понедельник была конференция, которая фактически официально была посвящена этой дате, и мы подробно и очень внимательно обсуждали те проблемы, которые 50 лет назад были поставлены Джоном Гэлбрейтом.

И мы убеждаемся, что на самом деле те проблемы, которые стояли тогда, они и сегодня имеют свое отражение и, конечно, Гэлбрейт важен и полезен не только с точки зрения истории экономической мысли, истории проводимой экономической политики, достаточно успешной, и возможности развития экономики в будущем. Но и сегодня, обращаясь к Гэлбрейту, мы тоже можем немало почерпнуть полезного и нужного. И как вы уже слышали, будет презентация книжки, посвященной Гэлбрейту, «Гэлбрейт возвращается», и я думаю, что ознакомившись с этой книжкой, вы тоже поймете авторов, которые, действительно, нашли очень много полезного, прочитав еще раз и обратившись снова к Джону Гэлбрейту.

[00:25:00]

Уважаемые коллеги, сейчас мы приступаем к такой, уже более рабочей части нашего заседания, и первый, кому я хотел бы предоставить слово, профессору Лайбману Дэвиду. Это почетный профессор экономики Бруклинского университета и городского университета Нью-Йорка, редактор журнала «Наука и общество». И подготовиться Дементьеву.

Дэвид Лайбман: Всем добрый день. Я хотел бы уложиться в отведенное время в краткую версию позиции о том, что нам необходимо поместить экономическую теорию в контексте экономики, политики, истории, как в свое время это делал Джон Гэлбрейт. Мы также должны работать над основами экономической теории как таковыми. Нам нужно быть уверенными в том, что мы не передаем экономическую науку в неправильные руки. И концентрируемся вместо этого на темах, которые окружают экономические темы.

Для иллюстрации того, что я имею в виду, моя презентация – это эффекты повышения эффективности в современной экономике. То, что я хотел бы сделать, это показать вам новые экономические реалии. Это еще не было опубликовано. Это фактически первый раз я представляю вам здесь. Коллеги в Петербурге, правда, видели перед вами. В Москве повторяю эту презентацию.

Вопрос, который мотивирует это, – это вопрос каков долговременный эффект повышения производительности труда для общества на экономику, на социальную структуру общества. Конечно, я хотел бы коснуться ряда определений. Вы можете видеть позицию о том, что производительность труда, это мой символ, w – это производство, на количество труда, которое у меня L обозначено. В этих символах вы видите, что фактически производительность труда – это объем производства на затраченный труд. Повышение производительности труда, когда производительность труда возрастает, возрастает объем произведенных работ, а объем вложенных в эту работу будет снижаться.

Таким образом, это своего рода история о том, постоянные тенденции, которые затрагивают другие тенденции, и вы можете проанализировать влияние от этого на другие показатели. Таким образом, рост производительности труда и снижение затраченной работы на это, не противоречат представлениям общества. Мы хотели получить больше объем произведенной продукции, использование человеческого потенциала и снижаем потенциал затраченного труда, чтобы было больше свободного времени, и могла быть организована более качественная жизнь.

[00:30:12]

Сложность возникает, когда мы идем немножко дальше. Я использую простой набор определений и конечный результат в следующем уравнении. Мне кажется, раньше на эту тему исследований не проводилось. Здесь вы видите, что объем производства разделен на три части. Это заработная плата, затем b – это безусловный базовый доход. Согласно старой концепции в советское время это коллективным потреблением называлось. Принимает ли это частную форму или общественную, это денежные средства, которые делаются доступными индивидууму, как для личного потребления, так и для общественного, независимо от вклада рабочего. Тем не менее, вы должны рабочий вклад осуществлять.

И в итоге, это прибыль, последний элемент объема продукции. И я делаю допущение, что в определенном смысле я бы не хотел сейчас заикливаться на определениях капитализма и социализма, и промежуточной стадии перехода из одной стадии в другую. Но, так или иначе, нам нужны определенные коэффициенты. Вы видите так называемый коэффициент зарплаты, то есть зарплата, разделенная на объем занятости труда. Затем коэффициент базового дохода. Это базовый доход, разделенный на общий объем доступного объема труда. И затем очень важный элемент W . – это общий объем дохода. Как вы видите из этих символов, последний – это доля прибыли, то есть прибыль, как доля общего дохода, сгенерированного общего дохода.

Я охотно подробнее коснулся бы, как я пришел к таким результатам, но из-за временных ограничений у меня не получится это сделать. Получается в итоге, мы могли бы

алгебраическим уравнением это подтвердить. То есть производительность труда оказывается равной в правой части этого выражения общему объему доходов, и затем минус доля прибыли. Затем, коэффициент занятости, общий объем работоспособного населения, разделенный на доступную рабочую силу. И после этого мы видим, что если производительность труда увеличивается, а эта модель предполагает, что базовая тенденция в этом и заключается, что производительность труда имеет постоянную тенденцию к росту.

Со времени она, так или иначе, возрастает, не всегда, не повсюду. Есть преграды на пути роста производительности труда. Но, так или иначе, это такая для разных обществ тенденция. Таким образом, эта величина должна повышать зарплаты. Также доля прибыли возрастает, а коэффициент использованного труда снижается. Посмотрите сюда, что здесь используется.

Слева вы можете видеть растущую производительность труда. Увеличивающаяся производительность труда означает, что и больше производится. Конечно, здесь есть определенный экологический кризис, или кризис устойчивого экономического развития, о котором говорил, в том числе, мой друг, Джеймс Гэлбрейт. Здесь внизу мы также видим занятость населения, потому что в данном случае мы учитываем занятость населения в Соединенных Штатах. Но то же самое это может оказаться, что и в России тоже будет достаточное количество трудоспособного населения безработными.

[00:35:20]

При этом нужно посмотреть на то, что, к сожалению, может произойти и серьезное расслоение общества в результате того, что будет большое количество безработных. Еще хочу вернуться к следующему. Растущая производительность труда может реализоваться увеличением заработной платы, и в том числе увеличения доли прибыли, что отразится в снижении занятости населения. Фактически эти процессы идут в разных направлениях. Если будет увеличение прибыли как результат увеличения производительности, это свидетельствует о кризисе, о котором говорил еще Кейнс в середине XX века.

И я считаю, что, к сожалению, здесь будет финансовый кризис, потому что причинами как раз финансового кризиса является увеличение доли прибыли в результате увеличивающейся производительности. И это то, что мы видим как раз в западных странах. Что касается увеличения заработка и доходов населения, здесь как раз w с определенной степенью умножен, потому что увеличение базового дохода, в том числе оказывается фактором, который стимулирует, к сожалению, возникновение кризиса.

И еще один общий момент, потому что я только представил вот эту идею. Пока еще сам не проделал более подробный анализ вот этой возможности. Если мы говорим, что дальнейшее увеличение производительности труда, скорее всего, может оказать серьезное влияние на общественные институты, с одной стороны. А с другой стороны, предоставляют серьезные возможности для более творческого вдохновенного развития. И, в том числе, по большому счету будет изменение как раз труда, и будет вымывать с рынка деградирующие сферы деятельности.

Растущая производительность труда является частью общего экономического анализа, который вам нужно применять в отношении каждого и обществ с тем, чтобы определять потенциальное возникновение кризисных ситуаций в этом обществе. Так что, я рекомендую вам эту идею для дальнейшей проработки.

Виктор Рязанов: Мы продолжаем нашу работу. Слово предоставляется Дементьеву Вячеславу Валентиновичу, доктору наук, профессору Финансового университета. Подготовиться профессору Соммерсу.

Вячеслав Дементьев: Тема звучит следующим образом: «Прибыль и экономическая власть». Больше собирался говорить о власти, но под влиянием того, что сказано, пришлось заговорить о прибыли. В чем дело. Сегодня много слушали о том, что для того, чтобы обеспечить экономический рост в России, нам нужно снизить кредит, ставку процента. Это, безусловно, очень важная вещь. Но нужно отдавать себе отчет, что кредит – это издержки инвестиций, но не их выгоды.

Регулирует экономический рост, регулирует инвестиции, насколько мы помним Кейнса, предельная эффективность капитала, где важнейший составляющий компонент составляет то, что мы называем нормой прибыли. В этом смысле слова основным двигателем экономического роста, ну, так сейчас принято, что ушло все в структуру стимула, являются те стимулы, которые порождают стремление к инвестициям, сбережениям и так далее.

В основе этих стимулов лежит прибыль, положительная норма прибыли, которая и приводит в действие механизм инвестирования и механизм тех стимулов, которые создают интерес к экономическому росту. То есть для того, чтобы экономика росла, нормально развивалась, прежде всего, должны быть решены следующие проблемы. Должна быть обеспечена положительная связь между издержками или инвестициями и доходом, или положительная норма прибыли. Распространение положительной нормы прибыли в пространстве национальной экономики более-менее длительные связи и устойчивость этой нормы прибыли. И последнее условие Пигу, так называемое, равенство частного и общественного дивиденда.

[00:40:15]

Если эти условия соблюдены не будут, какой бы ни был у вас кредит, какое бы не было денежное обращение, но если вложения не дают, прибыли просто-напросто не будет, хоть вы обнулите кредит, и так далее. Поэтому темпы качества границы экономического роста определяются структурой стимулов, она не сводится к прибыли, естественно, структура стимулов. Но решающей ролью являются механизмы присвоения прибыли, называют ее добавочной стоимостью, су-плюс, избыток, и так далее.

Тем более что если мы предполагаем частную собственность, мы должны предполагать и прибыльное производство. Если экономика рыночная, установленная на частной собственности, не дает прибыли, ее нужно забирать, национализировать. Когда люди не могут легально заработать прибыль, они прибегают к взяткам. Это вывод известного Райнерта. Тем более что величина ожидаемой нормы прибыли или предельная

эффективность капитала регулирует спрос частного сектора на капиталовложение, и так далее. И причиной отсутствия инвестиций является, прежде всего, не кредитная ставка, не величина денежного предложения, а отсутствие возможности получить прибыль.

Знаете, банальный вопрос в рейтинг Doing Business, есть такой известный, Индия находится на, по-моему, 140 месте. И, тем не менее, сингапурские товарищи, бизнесмены, активно вкладывают из своей страны с каким-то выдающимся местом в Doing Business, едут в Индию, финансируют индийскую промышленность.

И чтобы завершить теоретическую часть, капитал боится отсутствия прибыли, как природа боится пустоты, это мы помним. Что мы имеем в российской промышленности? Мы имеем чрезвычайно сложную ситуацию. Начиная с 2005 года, в российской экономике наметилась явно выраженная тенденция нормы прибыли к понижению. Я здесь говорю, 2014 годом останавливаюсь, потом объясню почему.

Мы в 2014 году имели 33% убыточных организаций. Это в рыночной экономике. Другое дело, что эта убыточность, она специфически российская. Но 33%, никто при этом не застрелился. То есть это наше уникальное явление. Доля прибыли ВВП России опустилась до минимальных значений за последние 15 лет. То есть пик рентабельности мы прошли, или пик средней нормы прибыли в российской промышленности, в реальном секторе был пройден в 2005 году. После этого она неуклонно снижается.

Рентабельность активов организаций сократилась с 2005 года в четыре раза. А рентабельность проданных товаров сократилось в два раза. И что должен думать иностранный инвестор, когда он почитает статистический ежегодник по Российской Федерации? Стоит ли вкладывать деньги в эту страну, какой бы вы кредит ему не будете обещать.

Далее, 2015-2016 год, случилось у нас небольшое чудо, которого никто не ожидал. Это внезапный всплеск, норма прибыли в 2015 году выросла, по-моему, на 33%, в 2016 году на 18%. Но, это такая прибыль, так называемая неожиданная прибыль, и не зависящая от предпринимателя. Они возникли как разрыв между ростом цен и ростом заработной платы. Они носят временный характер и это ответ на вопрос, о котором сегодня говорили, – почему прибыль растет, а инвестиций нет. А кто будет инвестировать в прибыль, которая вызвана такой комбинацией внешних случайных обстоятельств? Нет никаких гарантий, что эта прибыль будет, например, получена в 2017 году.

Таким образом, падение доли прибыли в национальной экономике показывает нам на кризис институциональной модели, на которой основано ее получение. Поэтому одной из центральных проблем политики управления экономическим ростом должна быть политика, я написал слово «управление», понимаю, что здесь оно может быть резко, там много факторов сидит, которые определяют динамику нормы прибыли. Но, тем не менее, так или иначе, эффективное управление ростом предполагает эффективное управление или влияние на тенденции в области нормы прибыли. А уже после этого можно говорить дешевые у нас деньги, дорогие у нас деньги, у нас высокий Doing Business, или низкий Doing Business, и так далее.

Откуда же берется прибыль и чем там можно управлять. Безусловно, это сложный процесс, который включает в себя и субъективные особенности предпринимателей и текучесть конъюнктуры, которыми управлять нельзя. Но есть некоторые стабильные вещи, которые позволяют каким-то образом организовать влияние.

[00:45:01]

Что такое прибыль – понятие достаточно банальное, но вопрос о том, откуда она берется и почему цена готовой продукции может превысить величину факторных издержек, до сих пор остается открытым и подвергается достаточно серьезным дискуссиям. Здесь приведена цитата из Туган-Барановского, что понятие прибыли есть нечто загадочное. Но new power bigshare big of economic тоже дает достаточно печальное заключение, что понятие прибыли является до сих пор иллюзией. Непонятно откуда же возникает эта разница. Там действует ряд факторов.

Итак, общее, по крайней мере, то, что мы знаем, экономическая прибыль возникает в ситуациях неравновесия. Откуда она берется? Прибыль формируется из ряда источников, ряда компонентов. Первое, это прибыль, полученная при благоприятных условиях, то, о чем мы говорили, экономика России, инфляция и так далее. Предпринимательская прибыль за счет скорости бизнес-процессов. Продуктовые технологические инновации вещь, достаточно понятная. В России, мы знаем, в прекрасном состоянии.

Прибыль, как природная рента. Обладание факторами производства, предложение которых не является эластичным на рынках. Прибыль, как социальная рента. Прибыль, как результат. То есть какой-то коллектив обладает качествами, которые неповторимы, и которые дают возможность что-то делать меньшими издержками, и такого качества, которое невозможно. Прибыль – это симметрия информации или корпоративное мошенничество. То есть продается товар. Издержки и качество – это обман. Сорок процентов российских продуктов, по официальным данным Ассоциации потребителей, фальсификат. Но это тоже источник создания прибыли.

Прибыль, как результат власти. Прибыль, как откат. И отсюда экономика, соответственно. И, наконец, прибыль, как фактор действия государства. Вот отсюда образуется то, что и заинтересовывает. Но заинтересовывает по-разному. Разные модели получения прибыли влекут за собой разные направления инвестиций. Куда мы будем вкладываться? Во взятки или в новые технологии. Имеют разную тенденцию – понижение убывающая отдача, возрастающая отдача. Временные границы, пространственные ограничения и так далее.

Переходим к власти, о чем я, собственно, и собирался первоначально говорить. В чем специфика наша? Специфика нашей экономики, что доминирующая форма извлечения прибыли в бизнесе стала комбинация двух факторов – природные ресурсы и экономическая власть. То есть сложились такие ситуации, что основным конкурентным преимуществом в бизнесе является не обладание новыми технологиями, а обладание политической и экономической властью, или место, которое вы занимаете в иерархии власти.

Власть является более доступным дешевым и менее рискованным эффективным экономическим благом, нежели новые технологии. Пока наш бизнес больше боится прокурора, чем технической отсталости, к большому сожалению. Избыток власти из чего формируется. Монопольная власть, вертикальная интеграция, внутрикорпоративная и так далее. Судебный доступ к государственной власти, криминалитет. Источники прибыли в данном случае, – распределение добавочной стоимости, занижение цен на издержки, завышение цен на конечную продукцию и так далее.

В этих условиях наиболее ценный актив – власть. То есть формируется своего рода экономика власти. В чем ее минус, особенно колоссальный. В этих условиях чужая свобода воспринимается как упущенная выгода. Где вы получите деньги? Только там, где вы ограничите кого-то. Все мы работаем в административных структурах и знаем: всякая лишняя свобода воспринимается как вызов, и так далее. Но система себя исчерпывает, не буду приводить аргументы. И выходы. И я заканчиваю, возвращаясь к товарищу Гэлбрейту. В свое время, Гэлбрейтом была сформирована замечательная мысль: Countervailing Power, как преодолеть систему власти. Это статьи 50-х годов.

Полностью уничтожить власть невозможно. Ввести свободную рыночную конкуренцию, взять ее под контроль государства тоже невозможно. Нужно создавать системы, уравнивающие власти, чтобы один не мог извлечь ренты за счет другого. И эта идея – уравнивающая власть, – она в наших условиях принимает существенное значение, если мы собираемся, планируем идеи вот таких институциональных изменений, которые изменят институциональные модели максимизации прибыли. Виктор Тимофеевич, я уложился.

[00:50:01]

Виктор Рязанов: Замечательно, спасибо большое. Продолжаем нашу работу. Слово предоставляется профессору Соммерсу Джеффри, профессор политической экономии университета Висконсин-Милуоки, специалист по международной политической экономии и кризисом накопления капитала. Подготовиться профессору Саксена. Пожалуйста.

Джеффри Соммерс: Большое спасибо. Профессор Гэлбрейт, действительно, постарался и отказался от тех догм, которые были в науке, и в первую очередь он отражает опыт Японии, где как раз, например, Мэтью Перри, руководитель американского флота в Японии как раз в 40-50 годах прошлого века, и Япония сказала ему, что запустила политику, институт изучения варварских книг. И как раз по этому предположению, почему часто у иностранцев есть какие-то ценные инсайды. Но не всегда им помогают получить нужный интерес в том или ином деле.

Я также хотел бы сказать краткое следующее, что я специально сделал, в том числе для политиков, нежели для академического сообщества, поэтому я прошу извинения за то, что некоторые замечания будут достаточно грубыми. Что касается налогообложения, которое сможет финансировать индустриализацию, как создать новый баланс экономики, для обеспечения нужно финансирование и благосостояние. Вот, собственно, о чем я сегодня буду говорить.

В первую очередь нужно посмотреть отношение России на следующее. Относительно трансформирования олигархов из класса нуворишей просто в настоящих обыкновенных богатых людей. И таким образом понятно, что последние 20 лет эти люди связаны именно с развитием вашей страны. Но мы должны думать и о дальнейшем развитии страны. Более того, нужно внедрить гибкую налоговую политику, которая нацеливалась бы на то, чтобы обеспечить необходимое финансирование. Здесь мы говорим о Джеймсе Томи и Берне Сендерсе. Они выступили с предложением о том, что налоговые поступления должны обеспечивать финансирование для государственных проектов. Нам нужно восстановить серьезные капитальные доходы от налоговых поступлений.

Нам необходимо посмотреть на увеличение госналогов. Может быть, это аморально ввести налоги на государство и посмотреть на разговоры, которые в конце XIX – начале XX века велись для предотвращения развития новых аристократов, новой аристократии, которая, естественно, возникнет, если налог на государство не вводить.

Также необходимо посмотреть на прогрессивность в ставках налога на недвижимость, поскольку это одна из форм богатства, которая не мобильна. Это земля, строения, и, конечно, тоже может быть произведен механизм с налогами. Возможно, владельцы хотят замаскировать, что они владеют этой собственностью. Но эта собственность стоит на земле, вот она перед нами. И, конечно, это нужно учитывать в ставках налога на недвижимость.

В Латвии, например, где я периодически выступаю в качестве консультанта, там пока о повышении налогов моя тематика не касалась. Нам необходимо посмотреть, что любое повышение подоходного налога должно быть направлено на реинвестирование в производство.

[00:55:12]

И нам нужно переосмыслить отношение к деньгам и к долгам. И тема создания денег традиционным путем печатания, либо современных виртуальных денег, насколько это доступное доказательство того, что инвестиций больше, чем стоит сам проект. Какая альтернатива занимать у банков, либо у государства. Нет предложений, касающихся не налогов. Нам нужна политика Центрального банка, которая возвращается к прежней идее, к обеспечению полной занятости, или почти полной занятости. Конечно, понимаю, что необходимо учитывать аспекты, связанные с ростом инфляции. Но в развивающихся экономиках средний уровень инфляции допустимая вещь.

Ряд позитивных аспектов, стимулирующих, – не занимать, брать в долг у банков, а использовать деньги на инвестиции или на личные расходы. Как мы создаем эту среду, в которой мы хотели бы внедрить свои изменения политические, если мы думаем о демократических условиях, о регуляторах, которые ограничивают возможности управления крупными структурами.

В ходе последних выборов в Соединенных Штатах были интересные темы на эту тему. И также на выборах за прежние десятилетия. Нам нужно ввести принцип рациональности, обсуждать публично эту тему, насколько легальные средства могут быть использованы,

чтобы снижать влияние сильных властных структур на исход выборов. Базовые идеи для ускорения роста. В России, например, нужно думать о строительстве дорог. Мы знаем о состоянии дорог в России за пределами Москвы, например. Конечно, выгоды от этого могли привести общему развитию экономики и развитию нового производства. В том числе, для населения, дороги, которые могли бы строиться в регионах.

Еще одна из областей, есть преимущество России, – это проекты в сфере освоения космического пространства. Для этого необходимы технические решения, которые в том числе могут привести к развитию новых технологий, и могут представлять собой новые инновации взрывного характера, которые могут способствовать росту экономики, и я надеюсь, также, повышению качества жизни населения.

В общих чертах, я думаю, что космические проекты на достаточно новом приличном уровне, отдачи для экономики. Но возможность, которая кроется в них, возможно, с астероидов можно было получать какие-то ценные металлы и другие минералы, и товарные продукты для использования в электронной промышленности, в качестве фантазии.

Нам, конечно, следует продолжать работу в плане международного сотрудничества, чтобы предотвращать бегство капитала. После Второй мировой войны в Бреттон-Вудс были приняты определенные инициативы, которые в этом направлении были довольно успешны. В Китае была очень конструктивна и вводила очень интересные политические решения, для многих интересны. Они не во всем перенимаемы, в том числе для России. В развитии Китая в 80-90-е годы достаточно противоречивые тенденции. Но в конце XX века, когда по ряду причин Соединенные Штаты решили отправлять свои капиталы в офшорные зоны, находить новые структуры по инвестированию.

[01:00:00]

В то время существовала довольно дешевая рабочая сила в Китае. Это способствовало такой тенденции. Это довольно уникальная ситуация, которая вряд ли может повториться в ближайшее время. Так или иначе, тот выбор политических мер, который в Китае был сделан, оказался очень эффективным. Но, возможно, в целом его нельзя перенять модель развития промышленности в России. Мне кажется, там отмечается ряд диспропорций, в том числе, по сравнению с возможностями развития экономики в других странах. Здесь, конечно, географические факторы играют определенную роль. Я бы хотел на этом закончить мои высказывания. Спасибо за внимание.

Виктор Рязанов: Спасибо. Что же, мы продолжаем нашу работу. Слово предоставляется профессору Саксена Сиддхарту, профессор Кембриджского университета, главный редактор журнала «Кембриджский журнал евразийских исследований». Подготовиться Толкачёву.

Сиддхарт Саксена: Спасибо большое, очень приятно выступить на Московском экономическом форуме уже во второй раз. Предпосылка здесь довольно схожая, что вы уже много об этом слышали. Зависимость от сырья, в том числе от нефти в российской экономике, на добывающую промышленность. Конечно, это оказывает влияние на всю

экономику, на ежедневную жизнь людей в России. Но в Казахстане и в центрально-азиатских странах это также оказывает сильное влияние. Зависимость от определенных рынков, от тех, кто контролирует эти рынки. В Евразии и в России в определенной степени делается уступка и потеря каких-то аспектов суверенитета. Это, на мой взгляд, отражается на развитии национальной экономики.

Ученые считают, что мы довольно быстро забываем достижения политической экономики, и идеи порой не учитываются в реальной экономике. Сегодня мы имеем дело с глобальной экономикой. Я вижу в зале коллег, которые писали кандидатскую работу в Кембридже, и детали на эту тему освещали. Глобальное развитие экономики, предоставляемая возможность современных технологий, новые крупные ядерные проекты, крупные космические проекты, – это только небольшое отражение тех больших научных достижений, которые были достигнуты в Советском Союзе. И этот факт нужно учитывать. Это не альтернативный факт, а факт реальной жизни. Это подчеркивает мою основную мысль сегодня.

Нам следует понимать алгебру. Нам необходимо восстановить это отношение к науке. Наука это как в истории и в музыке – это проявление инициатив и интереса людей к окружающей жизни. Инженерная наука систематизирует существующие знания. Технология разрабатывает новую продукцию для коммерческого использования. Вопрос инноваций имеет существенную роль. Что фактически является основным моментом при формировании политики развития экономики.

[01:05:15]

Это связано напрямую с развитием человеческого капитала. Я хотел бы коснуться этой темы. Есть определенная глобальная асимметрия в этом вопросе. Мы признаем сегодня, что западная система образования, особенно англо-американская система образования, получает приоритет по сравнению с другими системами образования. Но мы не должны забывать, что эта система образования не способна подготовить такое количество людей, которое требуется для высокотехнологичных экономик. Также привлекать в этом плане кадры из Азии.

Если мы посмотрим вперед, это довольно устойчивая модель. Если мы полагаемся на тех же людей, не обращая внимания, откуда эти специалисты, не учитывая социальные системы, в которых эти люди выросли, наверно, это нельзя полностью игнорировать, поскольку, например, определенные данные, которые сведены на этом слайде. Это современная таблица подготовки ученых в разных странах. Насколько это касается стран «Большой двадцатки», стран ОЭСД. Вы видите, что голубая часть – это Китай, затем зеленая линия. Вы видите, в каком соотношении производятся научные знания в различных странах, как это меняется.

Второй важный момент часто игнорируется, порой намеренно, как планировщиками, так и самими экономистами, что рынок сам поменяет эту динамику. Рынок сам решит, где нужны ученые того или иного направления, и, так или иначе, сам все отрегулирует. Я не буду касаться этой темы. В определенном отношении развитие и наращивание мощностей научных, использование крупных потенциалов, исторического прошлого,

образования в различных странах. Например, фундаментальные исследования, в том числе приводимые в Российской академии наук. В этом направлении были созданы уникальные институты.

Конечно, инновационное производство возможно только при поддержке научной мысли. Есть определенные конкретные предложения, определенные достижения, которые я отмечал в Евразии и в России, например, это преимущество в плане наличия природного сырья. Это может использоваться как в положительном плане, так и нести отрицательные эффекты. Так или иначе, экономика, основанная на достижениях Силиконовой долины, тоже имеет свои преимущества.

Но сейчас мы находимся в переходном периоде, когда экономика, которая строилась здесь, научные знания, полученные здесь, были затем использованы, в том числе, в силиконовой экономике. С одной стороны, мы используем традиции, заложенные раньше, с другой стороны, как я понимаю, важно использовать новые подходы. Большинство технологий, которые используются сегодня вокруг нас, – это заряд электронов. Электроны перемещаются по проводу, они осуществляют передачу энергии. Все электронные устройства на этом работают. Здесь отображена схема, как электроны работают. Но новые научные достижения могут использовать иное свойство электронов, – спины. Это суперпроводники. Но эти суперпроводники могут иметь огромное значение на разные отрасли, – на транспорт, на медицинское оборудование. Например, видите различное современное медицинское оборудование.

[01:10:21]

Может быть, не все слышали обо всех этих суперпроводниках, но так или иначе, сегодня это довольно широко распространено. В том числе, видите пример в CERN. Конечно, в России достаточно нефти и газа. Но, так или иначе, переработка нефти и газа, топливо, которое используется в автомобилях; химическая промышленность; пластмассы; сопутствующие продукты производства нефти и газа, – это, возможно, дает преимущества. В том числе это регион для дальнейшего исследования.

Большое количество электроэнергии используется в холодильных установках. Это может быть выведено на совершенно другой уровень. При использовании новых форм пластмасс и способов получения энергии. Потенциал, который кроется в России, может быть очень эффективным, и его не следует игнорировать в мире.

Ряд завершающих замечаний. Повышение мощности с помощью получения экспериментальных подтверждений в фундаментальных науках, разнообразие научной базы и исследовательской инфраструктуры, повышение возможностей распространения знаний и опыта за счет коллективного обучения и сетевого обучения. Информация и знания нужно это различать. Поддержка бизнес-сообществ. Инновационное видение. Есть возможность способствования. У вас есть собственные таланты. Вы можете привлекать таланты из-за рубежа, и есть возможность работать на мировом уровне, в том числе, в технологических отраслях.

Это не обязательно утечка мозгов. Этот подход используется, но не в полной мере. Есть уникальные ситуации в России, достижения в науке, о которых я уже говорил здесь. Мы видим, что есть серьезная инициатива, которая требуется для того, чтобы взять на себя риск и действовать успешно в этой экономике. Многие фантастические вещи, действительно, реализуются. Ни одна страна не может себе такого позволить. Нужно обеспечить совместные действия здесь, на территории Евразийского экономического сообщества.

И последнее, что я хотел сказать, то, что, собственно, говорил и в прошлый раз здесь. Реиндустриализация России не преследует каких-то простых, к сожалению, решений. Есть некоторые вещи, которые, может быть, противоречивые, но мы сравниваем Россию с Японией, Кореей, Китаем. Эти страны уже прошли реиндустриализацию. А Россия наоборот, пока находится в периоде реиндустриализации. И мы видим, в том числе, есть серьезный человеческий капитал здесь. И это означает, что вам не нужно начинать с нуля, а просто перестраивать и развивать то, что уже есть.

По большому счету, не надо говорить о каких-то 3D-принтерах, которые сейчас говорят о том, что можете использовать в экономике, потому что иногда говорят: если будете использовать 3D-принтеры, это может заменить нефть и газ. Но это не совсем так. Я считаю, что на самом деле нужно использовать, в том числе, и ваши человеческие ресурсы, и университеты играют здесь огромную роль, для того, чтобы обеспечить процветание вашей страны.

Виктор Рязанов: Продолжаем нашу работу, и слово предоставляется профессору Толкачёву Сергею Александровичу, руководителю Департамента экономической теории в Финансовом университете. И после этого выступления мы, скорее всего, должны будем сделать перерыв, поскольку у нас заявлено еще шесть докладов и лучше сделать перерыв. Нет возражений? Пожалуйста.

Сергей Толкачёв: Уважаемые коллеги. Мне хотелось бы заострить внимание на той теме, которая сейчас находится в центре внимания практически всех центров мысли, – о проблеме новой индустриальной революции. И здесь я хотел бы предложить вам одну из точек зрения на объективную закономерность или повторяемость этих процессов, которые, соответственно, приносят с собой изменения в глобальной системе регулирования международных экономических отношений, внешней торговли и мировой валютной системы. Эту провокационную концепцию мы разработали совместно с моим помощником и сотрудником Артёмом Юрьевичем Тепляковым.

Мы предлагаем посмотреть на проблему технологических укладов с чуточкой иной точки зрения. Я не буду в этой уважаемой аудитории воспроизводить все стандартные положения и теории технологических укладов, которые академик Глазьев в течение 25 лет уже развивает. Но предлагаю отметить такую особенность. Если мы взглянем на начало эпохи индустриализации в Англии в конце XVIII века, то отметим, что, прежде всего, базовые инновации и развитие индустриальной базы касались производства товаров, готовой продукции для потребления населения. Это известные технологии, я не буду повторять здесь таблицу.

И этот уклад мы предлагаем назвать условно производственно. Может быть, не самое удачное название, но суть в том, что эти технологии были созданы для того, чтобы производить новую продукцию. В это же время в Англии, как известно, при всей ее показной любви к свободе внешней торговли, существовал достаточно закрытый протекционистский режим. Это было необходимо для того, чтобы создать рынок для новой продукции, завоевать внешние рынки, и затем на базе достигнутого индустриального потенциала перейти к следующему технологическому укладу, который мы условно называем транспортным. Он связан, прежде всего, с развитием тогдашних самых передовых средств транспортировки на основе парового двигателя. Это были железные дороги, соответственно, потом приступили к строительству пароходов.

И на этой стадии, которая содействовала тому, чтобы увеличивать экспорт произведенной на территории Англии продукции, английскому капитализму понадобился уже полноценный режим свободной торговли. И именно в этот период в середине XIX века мы наблюдаем расцвет теории свободной внешней торговли. Расцвет фритредерства, которое постепенно привело к закреплению английского господства в промышленной сфере. И позволило перейти затем к развитию нового технологического уклада, который условно можно назвать информационным, потому что основные базовые инновации, которые в последней трети XIX века захлестнули мир, были связаны как раз со сферой коммуникативной.

[01:20:03]

Изобретение телеграфа, телефона и радио в тот период, как вспоминают современники, произвело необычайный фурор. Представление о том старом, добром мире, старой доброй Англии, викторианской Англии были с большим сожалением отставлены в сторону. И Англия, а затем и весь развитый мир шагнули в сторону этого нового мира.

Адекватным режимом внешнеэкономической политики для этого нового мира, который вырос на новых коммуникационных технологиях, стало то, что получило название империализм. Я не буду вспоминать всю этимологию этого термина, так же как и многих авторов, труды которых подытожил Ленин и другие социал-демократы, которые красочно описали в начале XX века суть этого общественного, по сути дела, глобальной экономической системы.

Однако технологическое развитие продолжалось. И в первой половине XX века, вслед за второй промышленной революцией и базовыми инновациями, которые подготовили использование электричества уже в сфере производства товаров. И возникли такие отрасли, которые здесь представлены, которые снова произвели промышленную революцию и привнесли новые способы именно в производство товаров. И необходимо было снова защищать свои национальные рынки для того, чтобы обеспечить развитие собственной индустриальной базы. Это, по сути дела, привело к Первой мировой войне и к последующему, на несколько десятилетий, переходу к достаточно замкнутому протекционистскому режиму во всех основных странах мира.

Развитие технологий в середине XX века подошло к бурному развитию автомобилестроительной отрасли и других отраслей, которые снова принесли революцию

в развитие средств транспорта. Бреттон-Вудские соглашения, которые открыли дорогу для свободы внешней торговле и учредили новую мировую валютную систему, закрепили эту выгодную всем развитым странам систему. И утвердился режим, который мы тоже можем назвать фритредерским, но без тех эксцессов империализма, которые возникли чуть позднее на базе развития уже, по терминологии Глазьева, пятого информационного уклада, где, как мы все прекрасно знаем, основные новации, прежде всего, преобразили сферу коммуникативную.

Интернет, как олицетворение этой революции, привел к тому, что стало выгодно перемещать рабочие места и технологии за рубеж. Возник массовый офшоринг. Возникли вот эти все явления, которые сейчас в настоящий момент переживают кризисную пору, но, тем не менее, продолжают оставаться господствующими, доминирующими. И в этот период сложилась для той поры новая экономическая система империалистическая, которая получила название и вашингтонский консенсус, и неолиберальная революция, и господство транснациональных банков, транснациональных компаний.

И, наконец, в настоящее время, благодаря тем новым технологиям, которые сейчас разворачиваются в сфере 3D-печати, в сфере робототехники, в сфере промышленного интернета, в ряде других областей. Мы видим, как преобразуется на новой технологической базе сфера производства товаров. Но речь идет не о том, как с помощью информационных технологий обеспечивать дистанционное общение между подразделениями, которые расположены в разных странах мира. А о том, как с помощью технологий передавать новые разработки, как организовать локализованное производство на основе 3D-печати в отдельных странах, секторах, хозяйства.

[01:25:03]

И, по сути дела, это грозит привести к отказу от разветвленной системы, сложившейся системы международного разделения труда, с сопутствующими институтами, господством финансовой олигархии. И данная новая технологическая реальность грозит принести то, что мы сейчас замечаем по некоторым явлениям, то, что называется новым протекционизмом. Избрание Трампа с его предвыборными обещаниями, некоторые из которых сейчас прокладывают себе путь, лишней раз говорит об этом. Я здесь намекаю на ту самую 45%-ную таможенную пошлину, которую он грозит наложить на товары из Китая.

Подытоживая все вышесказанное, можно сделать вывод, что своеобразное циклическое развитие технологических укладов продуцирует соответствующую циклическую смену глобальных режимов внешнеэкономической политики, которая выгодна наиболее передовым странам мира. Так что нынешний этап деглобализации и возврата к протекционизму с сопутствующими торговыми и прочими валютными войнами, является объективной закономерностью. Спасибо.

Виктор Рязанов: Спасибо большое, Сергей Александрович. Уважаемые коллеги, перед тем, как объявить перерыв, я хочу сказать. Докладчики, которые заявлены и которые выступят после перерыва. Начнет профессор Бабаев, и так же у нас в числе докладчиков Ву Лан, это профессор Харбинского университета, профессора Цаголов, Эпштейн. Итак, перерыв на полчаса. Можно получать книги.

№02. КОНФ «Новое индустриальное общество- перезагрузка»

[01:27:01] [Конец записи]